

Воспоминанія стараго студента ¹⁾.

(1858 — 1862 гг.).

Независимо отъ дѣятельности по Васильеостровской школѣ, мы по-прежнему принимали живое участіе и въ собственно-университетской жизни, которая продолжала идти широко и шумно. Студенческая бібліотека, редакція „Студенческаго Сборника“ и кассы пособій были постояннымъ центромъ, какъ бы клубомъ, въ которомъ сообщались и со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ горячей юности дебатировались всѣ новости дни, какъ непосредственно касавшіяся университета, такъ и общественной жизни вообще, всѣ выдающіяся явленія которой дѣлались намъ извѣстными тотчасъ же, такъ какъ весьма многіе изъ насъ постоянно вращались въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ петербургскаго общества: отъ самаго высшаго до самыхъ скромныхъ. Съ одной стороны, сыновья многихъ аристократовъ, сановниковъ и богачей носили столь модный тогда университетскій мундиръ, какъ, напр., князя Горчаковъ, Куракины, графы Панины, Адлербергъ, миллионеръ Демидовъ Санъ-Дonato, Замятины, Бенардаки, Каншинъ и мн. др., и если не всегда, то время отъ времени посѣщали наши товарищескія собранія, и съ другой—среди насъ было много молодыхъ представителей класса такъ называемыхъ разночинцевъ. Личное знакомство съ такими писателями, какъ Чернышевскій,

---

¹⁾ Первая часть этихъ „Воспоминаній“ была помѣщена въ декабрьской книжкѣ „Русской Старинѣ“, за 1888-й годъ. Затѣмъ, вслѣдствіе кончины бывшаго издателя этого журнала, М. И. Семева, печатаніе продолженія „Воспоминаній“ прекратилось, и 2-я часть ихъ доставлена авторомъ въ редакцію только теперь.

Добролюбовъ, Михайловъ, Помяловскій, Якушкинъ, и поэзія Некрасова развили и постоянно возбуждали въ насъ чувство народности, и такъ называвшееся тогда „хождение въ народъ“ было въ то время сильно распространено между нами. Весьма многіе изъ нашихъ товарищей разѣзжались на лѣто по деревнямъ, собирали тамъ народныя пѣсни, сказки и преданія, изучали народный бытъ, толковали съ крестьянами, обучали ихъ грамотѣ, заводили народныя школы и т. д., никто и не думалъ видѣть въ этомъ что-либо революціонное, хотя, конечно, иногда дѣло не обходилось безъ нѣкоторыхъ частныхъ увлеченій, но никто не находилъ въ этомъ никакой опасности для Россіи. Только одному псевдовскому полицеймейстеру Гемпелю показалось подозрительнымъ, когда Павелъ Якушкинъ, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, ходилъ въ простомъ русскомъ костюмѣ по кабакамъ, толковалъ и пьянствовалъ съ крестьянами, и онъ засадилъ его въ кутузку, но это возбудило огромный шумъ и въ обществѣ, и въ печати. Якушкинъ тотчасъ же былъ освобожденъ и слишкомъ усердному ревнителю общественной безопасности, кажется, даже былъ сдѣланъ выговоръ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, впоследствии извѣстный писатель, воспользовался такимъ ходженіемъ въ народъ довольно своеобразно: сблизившись съ сыскною и наружною полиціей, онъ, въ сопровожденіи ея агентовъ, переодѣтый въ простонародное платье, сталъ проникать въ самыя низменные, самыя грязныя слои петербургской нищеты и порока во всѣхъ его своеобразныхъ проявленіяхъ; и затѣмъ преподнесъ россійскому обществу не особенно художественный, но пространный и обстоятельный докладъ о разѣдающихъ это самое общество язвахъ, въ видѣ романа, подъ заглавіемъ: „Петербургскія трущобы“.

Кромѣ чрезвычайно оживленныхъ и горячихъ споровъ на нашихъ товарищескихъ сходкахъ, въ стѣнахъ университета бывали въ то время и такіе публичные ученые диспуты, которые не только привлекали къ себѣ вниманіе всей петербургской интеллигенціи, но и возбудили большой шумъ въ тогдашнихъ журналахъ и даже создали различныя, враждебныя одна другой партіи. Наибольше выдающіеся въ этомъ отношеніи были диспуты двухъ криминалистовъ: петербургскаго—Спасовича и московскаго—Баршева и въ особенности Костомарова съ Погодинымъ. Предметомъ послѣдняго былъ споръ о пришествіи къ намъ варяговъ. Костомаровъ энергично отстаивалъ мысль о пришествіи ихъ изъ Литвы; Погодинъ стоялъ за искони установившееся мнѣніе о происхожденіи праотцевъ нашей государственности изъ Скандинавіи. Старый московскій профессоръ, Погодинъ, относился на этомъ диспутѣ къ своему молодому противнику крайне несдержанно, грубо, что вызвало со стороны студентовъ шумную овацію

въ честь своего любимца Костомарова. Вопросъ о варяго-русскихъ сдѣлался тогда моднымъ въ петербургскихъ гостиныхъ и предметомъ оживленной полемики въ газетахъ и журналахъ, и въ сатирическомъ отдѣлѣ „Современника“, подъ названіемъ „Свистокъ“, Погодинъ осмѣивался на всѣ лады въ шуточныхъ стихотвореніяхъ Конрада Лиліеншвагера и Кузьмы Пруткова (псевдонимы Добролюбова, Жемчужникова и др.)

Начальства, не только въ томъ грозномъ смыслѣ, какъ оно понималось въ предшествовавшее описываемому дореформенное время, когда въ петербургскомъ учебномъ округѣ свирѣпствовалъ переименованный изъ военныхъ генераловъ въ тайные совѣтники, знаменитый своей солдатской грубостью, попечитель Михаилъ Николаевичъ Мусянь-Пушкинъ, но даже и въ смыслѣ нынѣшняго, въ наше время не существовало. Министръ народнаго просвѣщенія, Ковалевскій, былъ человѣкъ либеральный и въ высшей степени гуманный. Попечитель, князь Щербатовъ, вполне соотвѣтствовалъ ему, охотно поощрялъ и поддерживалъ самодѣятельность и самоуправленіе студентовъ. Нашъ уважаемый ректоръ, Плетневъ, бывший другъ Жуковскаго и Пушкина, былъ чрезвычайно мягкій и добродушный старичекъ, изъ такихъ, которые всѣмъ своимъ видомъ и обращеніемъ какъ будто говорятъ: „только не троньте меня, а ужъ я-то никого не трону!“ Хотя онъ и былъ нашимъ главнымъ начальникомъ, но мы видѣли его только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., читающимъ отчетъ на публичномъ актѣ, присутствующимъ на диспутѣ, представляющимъ аудиторіи новаго профессора и т. п. церемоніяхъ.

Только подъ конецъ нашего студенчества, когда наши сходы стали принимать характеръ шумныхъ демонстрацій, почтенный Петръ Александровичъ разъ или два появлялся на каедрѣ и своимъ тихимъ, почти робкимъ голосомъ просилъ насъ успокоиться, разойтись и затѣмъ вскорѣ окончательно стушевался, уѣхавъ за границу, гдѣ, спустя немного времени, и умеръ. Ближайшимъ же начальникомъ и блюстителемъ нашихъ правовъ былъ инспекторъ студентовъ, Александръ Ивановичъ Фицумъ-фонъ-Экстедтъ, занимавшій эту должность съ давняго, еще дореформеннаго времени, назначенный по повелѣнію императора Николая Павловича, изъ офицеровъ л. гв. Павловскаго полка, въ предположеніи, что именно такой человѣкъ сумѣетъ подтянуть начавшихъ было распускаться (въ смыслѣ ношенія длинныхъ волосъ, несоблюденія формы и т. п.) студентовъ. И тогда онъ доблестно исполнялъ свои исключительно полицейскія обязанности и оправдывалъ возлагавшіяся на него надежды. Небольшаго роста, съ лисей фizioноміей, украшенный длиннымъ, сильно выдававшимся впередъ кирпичнаго цвѣта носомъ, чрезвычайно подвиж-

ный, онъ обладалъ замѣчательнѣйшей памятью, зналъ каждого студента въ лицо и по фамиліи и былъ вездѣсущъ: въ университетскихъ корридорахъ, на Невскомъ проспектѣ, въ театрахъ, маскарадахъ, на всевозможныхъ публичныхъ гуляньяхъ,—вездѣ можно было видѣть длинный, красный носъ Александра Ивановича и его маленькіе лисьи глаза.

Всякое нарушеніе приличія и благочинія, въ особенности же, несоблюденіе установленной формы, какъ, напр., появленіе безъ шпаги или разстегнутымъ, усы и борода, считавшіеся въ то время несомнѣннымъ признакомъ политической неблагонадежности,—все это тотчасъ же замѣчалось неусыпнымъ аргусомъ съ Владиміромъ на шеѣ, какъ ястребъ налетавшимъ на свою жертву, и на провинившагося студента сыпались строгіе распеканія и аресты въ карцеръ. Александръ Ивановичъ былъ просто грозой въ то тяжелое николаевское время; но въ нашу счастливую пору всѣ эти устрашающія декораціи рухнули и хотя форменная одежда еще существовала, но всякіе дисциплинарные окрики и „подтягиванья“ исчезли совершенно. За проступки противъ порядочности вообще, несомнѣнные съ правилами чести и нравственнаго достоинства, виновные судились своимъ товарищескимъ судомъ,—и бѣдный Александръ Ивановичъ, мало-помалу, совсѣмъ ступевался, кончилось тѣмъ, что, потерявъ всякій престижъ между студентами, онъ сталъ какимъ-то Менелаемъ университетской молодежи.

Внѣ стѣнъ университета, студенты сохраняли свою автономію и свой habeas corpus: въ случаѣ какихъ-либо проступковъ, совершавшихся ими въ городѣ, полиція могла только препроводить виновныхъ въ университетъ, на усмотрѣніе ихъ начальства, но сама никакихъ карательныхъ мѣръ предпринимать противъ нихъ не имѣла права. Въ то время, для облагороженія полицейской службы, на должности квартальныхъ или участковыхъ надзирателей назначались гвардейскіе офицеры. Эти блюстители общественной тишины и порядка относились чрезвычайно снисходительно къ проказамъ столь модныхъ и столь любимыхъ тогда въ Петербургѣ студентовъ и, при нарушеніи ими спокойствія въ какомъ-либо увеселительномъ мѣстѣ, всячески заминали дѣло и уговаривали ихъ мирно разойтись по домамъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда уже и самой полиціи наносились слишкомъ чувствительныя оскорбленія черезъ чуръ разбушевавшимися юношами, ихъ отправляли въ университетъ, а буяны исключались изъ числа студентовъ; но подобные примѣры были чрезвычайно рѣдки.

Помимо собственно университета и нашихъ вечернихъ товарищескихъ собраний, большинство студентовъ посѣщало различные семейные дома, выдававшіеся соединеніемъ у себя передовыхъ людей того

времени; редакціонныя собранія такихъ журналовъ, какъ „Современникъ“ и „Русское Слово“, были въ постоянномъ общеніи съ наиболѣе популярными тогда профессорами Кавелинымъ, Костомаровымъ, Стасюлевичемъ, Андреевскимъ, Утинымъ и съ писателями Лавровымъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Благосвѣтловымъ, Михайловымъ и друг.

Всѣмъ этимъ знакомствамъ весьма многіе изъ насъ обязаны нашимъ культурно-общественнымъ развитіемъ и сближеніемъ съ лучшими въ то время литераторами, поэтами, художниками и разными общественными дѣятелями. Нашимъ кружкомъ наиболѣе посѣщались дома Левитова, архитектора Штикеншнейдера и профессора артиллерійской академіи, Лаврова, впоследствии эмигрировавшаго изъ Россіи и присылавшаго изъ-за границы въ петербургскіе журналы свои статьи по соціально-политическимъ вопросамъ, подъ псевдонимомъ Миртова. Сынъ Левитова былъ ординарнѣйшій чиновникъ стараго закала, человекъ крайне ограниченный, но его жена была женщина не совсѣмъ заурядная: о ея происхожденіи и появленіи въ Петербургѣ рассказывали, что извѣстный шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, въ бытность свою въ Италіи, увидѣлъ во Флоренціи босоногую уличную дѣвочку лѣтъ 14-ти—15-ти, повраившуюся ему своею удивительною стройностью и выразительностью лица, привезъ ее въ Петербургъ, далъ ей кой-какое свѣтское образованіе и приблизилъ къ себѣ, какъ утѣшеніе своей старости, а потомъ—выдалъ замужъ за одного изъ своихъ маленькихъ чиновниковъ, по слухамъ, даже просто курьера, впоследствии дослужившагося до должности совѣтника конторъ двора его величества, умершаго въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ описываемое время м-ше Левитова, какъ ее называли въ обществѣ, была уже женщина за 50 лѣтъ, съ лицомъ некрасивымъ, но чрезвычайно выразительнымъ, подвижнымъ и умнымъ, или—скорѣе,—хитрымъ. Она рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ петербургскихъ дамъ свѣтскостью, всегда восторженной, хотя и дѣланною, отзывчивостью на всѣ злобы дня, на всѣ волновавшіе современное общество вопросы и интересы. Но главнымъ и наиболѣе выдающимся достоинствомъ ея было замѣчательное умѣнье собирать въ своемъ домѣ разнообразное общество изъ передовыхъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ,—ученомъ, литературномъ, художественномъ, во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ, судебномъ, административномъ, финансовомъ и проч., и проч.—Въ то время, когда ея мужъ козырялъ со своими партнерами, въ гостиной пламенной итальянки, его жены, шли самыя оживленныя разсужденія по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, высшей администраціи, науки, литературы, музыки, живописи и проч. И все это она умѣла, при

всей поверхностности своихъ знаній, не только вызывать, поддержать, но—придать всему извѣстный тонъ, разгорячить собесѣдниковъ до того, что они не замѣчали или не обращали вниманія на искусственность и аффектированность трескучихъ фразъ хозяйки и сами увлекались до энтузіазма. Кромѣ того, на ея четвергахъ почти всегда присутствовали однѣ или нѣсколько такихъ приманокъ для петербургскаго общества, какъ, напр., знаменитая итальянская актриса Ристори, пѣвица Бозіо, чрезвычайно популярная и любимая артистка Михайловскаго театра, Вольнисъ. Извѣстные наши поѣты—Полонскій, Майковъ, Щербина, братья Василій и Николай Курочкины, скульпторъ Микѣшинъ и др. были постоянными ея посѣтителями.—Когда вспыхнула война за независимость Италіи, въ гостиной m-me Левитовой появился итальянскій консулъ Пинто: въ его присутствіи хозяйка повѣсила на стѣну кружку съ крупною надъ ней надписью: „An profit des Italiens!“ и каждый четвергъ, въ продолженіе всей зимы, такъ искусно подогрѣвала въ своихъ гостяхъ сочувствіе къ сражавшимся за свою свободу итальянцамъ и ихъ популярнѣйшему въ то время герою,—Гарибальди, что въ кружку сыпались щедрія пожертвованія, и свѣтскія барыни съ влажными, должно быть, отъ восторга и умиленія, глазами, неуставно щипали корпію „roug ses raucres Italiens“.—У архитектора Штикеншнейдера также собиралось многочисленное общество самыхъ разнообразныхъ петербургскихъ извѣстностей того времени. Самъ хозяинъ, обладавшій большими денежными средствами, кромѣ своего архитектурнаго таланта, ничѣмъ другимъ не выдавался. Длинный, сухой, съ большими ушами, сумрачный и молчаливый, онъ очень напоминалъ своей фигурой нѣмецкаго колониста. Объ его происхожденіи рассказывали, что его отецъ имѣлъ мельницу около Гатчины, и мать была настолько красивою нѣмочкой, что императоръ Павелъ I-й, въ бытность свою наслѣдникомъ, какъ извѣстно, жившій постоянно въ Гатчинѣ, чуть не ежедневно заѣзжалъ къ мельничихѣ пить молоко, и эти посѣщенія злые языки связывали съ появленіемъ на свѣтъ будущаго извѣстнаго зодчаго. Жена этого архитектора, женщина бойкая и умная, была очень дружна съ m-me Левитовой и соперничала съ ней въ устройствѣ своего салона, отличавшагося внѣшнимъ блескомъ, обширностью и роскошью помѣщенія въ ихъ собственномъ домѣ, съ большимъ зимнимъ садомъ на Большой Милліонной улицѣ. Кромѣ того, ихъ журфиксы весьма часто заканчивались обильными изящными ужинами; здѣсь собиралось особенно много университетской молодежи, такъ какъ двое старшихъ сыновей этой четы были студентами. Старшая же дочь Елена Андреевна, дѣвушка уже не молодая и болѣзненная, но очень умная, прекрасно образованная и чрезвычайно симпатичная, придавала этимъ собраніямъ много теплоты и задушевности.

У полковника Лаврова были вечера болѣе серьезнаго и спеціальнаго характера. Хозяинъ—горячій энтузіастъ и чрезвычайно увлекающійся человекъ, всегда съ жаромъ развивалъ передъ своими гостями философскія, политическія и социальныя теоріи Конта, Прудона, Милля, Фурье и др. Сначала поднимались жаркіе одушевленные споры, длившіеся далеко за полночь; но затѣмъ спорщики утомлялись, видимо обезсиленные долгими и непривычными философскими разсужденіями, и расходились, оставляя поле сраженія за ораторомъ-демагогомъ. Студентовъ на этихъ вечерахъ, сравнительно, было немного, но посѣщавшіе ихъ передавали потомъ на нашихъ товарищескихъ сборищахъ все слышанное ими тамъ, и, такимъ образомъ, мало-по-малу посвящались и мы въ глубины премудрости философскихъ поученій, все болѣе и болѣе дѣлавшагося популярнымъ среди учащейся молодежи Петра Лавровича (такъ звали Лаврова).

Въ продолженіе третьяго университетскаго курса, всѣ наиболѣе выдававшіеся изъ нашихъ товарищей окончательно сблизились съ такими передовыми дѣятелями того времени, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Михайловъ, Помяловскій, съ редакціями журналовъ, „Русское Слово“ и „Современникъ“ и со многими другими лицами, на которыхъ высшая петербургская администрація уже поглядывала косо, какъ на руководителей общественнаго мнѣнія, начинавшаго въ то время пріобрѣтать уже значительную нравственную силу, съ которой приходилось уже считаться въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и подъ вліяніемъ которой стали проявляться разногласія и даже—все болѣе и болѣе обострившіяся столкновенія между самими представителями этихъ сферъ, еще съ начала великихъ реформъ, крестьянской и судебной,—раздѣлившимися на партіи: консервативную и либеральную. Студенты, которыхъ тогда было около 2½ тысячъ человекъ, конечно, были горячими и, въ особенности, шумными поклонниками послѣдней и главными пропагандистами въ общественныхъ массахъ необходимости осуществленія этихъ и другихъ реформъ въ наиберальнѣйшемъ духѣ. Въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, которыхъ тогда было особенно много, какъ, напр., публичныхъ лекціяхъ, литературныхъ вечерахъ, спектакляхъ и т. п., они нерѣдко поднимали оглушительный шумъ, требуя, во что бы то ни стало, исполненія именно ихъ желаній, и, въ большинствѣ случаевъ, настоянія ихъ, обыкновенно поддерживаемыя многими изъ публики, удовлетворялись. На университетскихъ лекціяхъ стали раздаваться шумные аплодисменты и другіе знаки одобренія любимымъ профессорамъ. Существованіе собственной кассы пособій немущимъ товарищамъ, средства которой въ послѣднее время достигли уже 15.000 рублей, ставило студентовъ внѣ всякой матеріальной зависимости отъ университетскаго начальства.

Широкая помощь, производившаяся изъ этой кассы всѣмъ нуждавшимся студентамъ, съ одной стороны, и почти неограниченное освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій.—съ другой, привлекали въ университетъ со всѣхъ концовъ Россіи и особенно изъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, массы молодыхъ людей изъ бѣдныхъ классовъ, какъ извѣстно, наиболѣе безпкойныхъ, скорѣе другихъ готовыхъ на всякое отчаянное предпріятіе. Форменная одежда предоставляла студентамъ совершенную неприкосновенность со стороны городской полиціи; а дисциплинарная власть университетскаго начальства, слабость которой доходила до почти совершеннаго ея отсутствія, предоставляла намъ широкую самостоятельность и независимость отъ кого бы то ни было.

Посѣщеніе лекцій тоже никѣмъ не контролировалось — и студенты то толпились огромными и шумными толпами въ аудиторіи многихъ излюбленныхъ профессоровъ, вмѣстѣ съ многочисленными слушательницами, среди которыхъ начиналъ тогда размножаться типъ дѣвицъ, щеголявшихъ отрицаніемъ всякихъ внѣшнихъ отличій своего пола, то блистали своимъ отсутствіемъ на лекціяхъ остальныхъ. На такой порядокъ вещей стали смотрѣть сверху подозрительно и съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Въ правящихъ сферахъ стали громче и громче раздаваться голоса о необходимости положить предѣлъ такой разнузданности университетской молодежи, и скоро порѣшили повернуть дѣло круто, даже черезчуръ круто, какъ это немедленно и подтвердилось весьма печальными послѣдствіями.

Переходныхъ экзаменовъ изъ третьяго курса на четвертый ! насъ не было, и намъ объявили, что на четвертомъ мы будемъ сдавать экзамены изъ обоихъ курсовъ заразъ. Это нововведеніе ничего, кромѣ вреда, не принесло, такъ какъ большинство третье-курсиковъ, зная, что по окончаніи года никакихъ экзаменовъ не будетъ, ровно ничего не дѣлало, лекцій почти не посѣщало и еще болѣе прежняго предавалось кутежамъ и своей гражданско-общественной дѣятельности. Передъ каникулами 1861 года между нами уже носились слухи о какихъ-то предстоящихъ реформахъ въ университетѣ, о готовящемся новомъ университетскомъ уставѣ, о томъ, что насъ собираются сильно подтянуть и т. д. но мы, со свойственной молодости самоувѣренностью вообще и, въ частности, съ сознаніемъ тогдашними студентами какой-то несокрушимости нашей общественной силы, на всѣ эти слухи мало обратили вниманія и, по-прежнему, беззаботно развѣхались на каникулы въ разныя стороны.

Возвратившись къ концу августа въ Петербургъ, мы увидѣли,

что весь нашъ студенческій бытъ парализованъ до основанія и измѣненъ во всѣхъ его самыхъ существенныхъ особенностяхъ. Отставившій прежній порядокъ министр Ковалевскій замѣненъ — адмираломъ Путятинимъ, вмѣсто бывшаго уже года два передъ тѣмъ попечителя, И. Д. Делянова — назначенъ бывший атаманомъ Кубанскаго или Терскаго казачьяго войска, генераль-лейтенантъ Филиппсонъ; форменная наша одежда уничтожена, и мы подчинены, наравнѣ съ прочими обывателями, вѣдѣнію общей полиціи; всякія сходки студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ ихъ, безусловно воспрещены, студенческія бібліотека и касса пособій обращены въ обще-университетскія бібліотеки и кассу, и выдача пособій нуждающимся студентамъ предоставлена исключительно инспекціи, обязанной, при назначеніи такихъ выдачъ, принимать во вниманіе поведеніе и прилежаніе недостаточныхъ студентовъ; изданіе студенческаго сборника прекращено, и всѣ наши депутаты отъ факультетовъ упразднены, число вольнослушателей ограничено, и допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій прекращено совершенно; число студентовъ, освобожденныхъ, по недостаточности средствъ, отъ платы за слушаніе лекцій уменьшено до крайне ничтожнаго минимума, и всѣмъ прочимъ, если они не внесутъ денегъ къ назначенному сроку, предложено оставить университетъ; наконецъ, каждый студентъ долженъ былъ взять такъ называемыя матрикулы, т. е. особыя книжки, которыя они были обязаны всегда имѣть при себѣ и въ которыхъ должны были записываться посѣщеніе студентами обязательныхъ для нихъ лекцій, ихъ манкировки и различныя замѣчанія о ихъ поведеніи. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, всѣ преобразованія, введенны въ университетъ съ 1861—62 учебнаго года.

Не трудно представить себѣ, до какой степени все это озадачило и взволновало и безъ того уже сильно возбужденную университетскую молодежь, нисколько не подготовленную къ столь неожиданному и столь рѣзкому перевороту!

Съ открытіемъ лекцій въ началѣ сентября, первымъ дѣломъ, конечно, было собраніе огромной общей сходки студентовъ въ большой актовомъ залѣ университета. Сходка эта была, разумѣется, очень бурная и возбужденная; выходяшіе на кафедру ораторы произносили пламенные рѣчи, одни предлагали немедленно составить и подписать самый горячій, самый энергическій протестъ противъ такого насилія, противъ такого поправанія неотъемлемыхъ корпоративныхъ студенческихъ правъ; другіе, болѣе спокойные, требовали составленія коллективнаго прошенія объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ новыхъ правилъ; было нѣсколько и такихъ личностей, которыя признавали необходимымъ безусловно подчиниться новому порядку вещей; но ихъ

было весьма немного, и они были тотчас же заглушены страшными свистками, шиканьемъ, бранью... Не обошлось даже и безъ оскорбленія дѣйствіемъ: кто-то получилъ двѣ, три пощечины... Совершенно растерявшійся Александръ Ивановичъ Фицтумъ сначала бѣгалъ во всѣ стороны, приказывалъ, просилъ, умолялъ разойтись, но никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, а когда онъ очень ужъ сталъ приставать, ему посовѣтовали просто уйдти самому, по-добру, по-здорову, что онъ въ концѣ концовъ и сдѣлалъ. Вѣсто него, вскорѣ явился профессоръ Срезневскій, исправлявшій должность ректора, бывшаго тогда за границей, и сталъ уговаривать насъ разойтись; но шумъ и крики усиливались все болѣе и болѣе. Студенты кричали, что никто не имѣетъ права отнимать у нихъ кассу и библіотеку, составленныя изъ нашихъ собственныхъ денегъ, что несправедливо, невозможно исключать людей изъ университета только за то, что имъ нечѣмъ заплатить за лекціи и т. д. Срезневскій просилъ насъ умолкнуть хоть на минуту, чтобы дать ему возможность произнести нѣсколько словъ и, когда мы утихли, объявилъ, что всѣ наши желанія немедленно будутъ доложены высшему начальству и непременно удовлетворены, если только мы успокоимся, тотчасъ же разойдемся и не будемъ пока подавать отъ себя никакихъ адресовъ, протестовъ или прошеній. Большинство повѣрило этому обѣщанію, и, пошумѣвъ и потолковавъ еще нѣсколько времени, мы разошлись по домамъ. Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ нѣкоторыми профессорами читались лекціи, но ихъ почти никто не посѣщалъ. Студенты собирались на сходки по своимъ квартирамъ и сговаривались, обождавъ еще немного, собраться снова въ университетъ на общую сходку для обсужденія, что намъ слѣдуетъ предпринять въ случаѣ неудовлетворенія нашихъ требованій. Скоро разнесся слухъ, что въ университетѣ вывѣшено объявленіе о воспрещеніи какихъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было студенческихъ сходокъ, подачи студентами какихъ-либо коллективныхъ прошеній или адресовъ и о томъ, что всѣ, кто не возьметъ матрикулъ къ указанному сроку, будутъ немедленно уволены изъ числа студентовъ. Въ условленный день почти всѣ студенты поголовно явились въ университетъ. Объявленіе, дѣйствительно вывѣшенное въ пріемной, было прочитано во всеуслышаніе и тотчасъ же сорвано со стѣны при оглушительныхъ крикахъ и свисткахъ. „Въ зало, господа! на сходку!“ Кричали наши депутаты, и всѣ мы устремились къ дверямъ актовaго зала; но онѣ оказались запертыми. На требованія ключа, сторожа отвѣчали, что онъ у дежурнаго субъ-инспектора, субъ-инспекторъ увѣрялъ, что его взялъ къ себѣ Александръ Ивановичъ (Фицтумъ). Послали къ нему, но онъ спрятался и не

лъль сказать, что его нѣтъ дома. Долго мы стояли и шумѣли передъ дверями... наконецъ, кто-то крикнулъ въ толпѣ: „навались, ребята, на дверь! Вышибай ее, коли такъ!“ ... „Вышибай!—вышибай!“ дружно подхватили сотни голосовъ... Нѣсколько десятковъ наиболѣе дюжихъ молодцовъ навалились на одряхлѣвшую отъ старости дверь... Она съ трескомъ рухнула внутрь зала... толпа, съ аплодисментами, крикомъ и хохотомъ хлынула въ широкую амбразуру, точно разъяренныя волны сквозь прорванную плотину—и все зало быстро наполнилось студентами. Тотчасъ же на середину была выдвинута каеэдра, и на нее поочередно стали входить ораторы изъ нашихъ передовыхъ вожаковъ. Сначала было указано на то, что Срезневскій безсовѣстно обманулъ насъ, чтобы только заставить насъ разойтись и потерять время, и потомъ, съ горячностью, столь естественной въ сильно возбужденной молодежи, много говорилось о несправедливости и возмутительной оскорбительности предпринимаемыхъ противъ студентовъ мѣръ, о произволѣ, деспотизмѣ и, наконецъ, о необходимости, о священной обязанности каждаго студента отстаивать до послѣдней возможности честь и неприкосновенность неотъемлемыхъ правъ студенчества. Ораторы болѣе спокойныхъ и умѣренныхъ фракцій, весьма, впрочемъ, не многочисленныя, тотчасъ же, безъ всякой церемоніи, сталкивались съ каеэдры яркими представителями огромнаго большинства и съ первыхъ же словъ своихъ заглушаемые свистками, шиканьемъ и рѣзкою бранью, должны были умолкнуть. Въ самомъ разгарѣ опять явился Срезневскій и, протискавшись кое-какъ на каеэдру, сталъ было снова уговаривать насъ успокоиться, подчиниться новымъ правиламъ и разойтись; но на этотъ разъ никто его уже не слушалъ; поднялся невообразимый шумъ и гвалтъ, страшный стукъ ногами и стульями, шиканье, свистки и громкіе, многочисленные крики „вонъ!“ не давали ему никакой возможности продолжать свои увѣщанія, такъ что, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ говорить, онъ былъ вынужденъ, наконецъ, выйти изъ зала, сопровождаемый тѣмъ же невыразимымъ гамомъ... Послѣ долгихъ, чрезвычайно шумныхъ и горячихъ споровъ и пререканій, рѣшено было не брать ненавистныхъ матрикулъ ни въ какомъ случаѣ; тутъ же были составлены адреса, одинъ—на имя государя, а другой—министру народнаго просвѣщенія. Сходка кончилась подписаніемъ обоихъ этихъ адресовъ и выборомъ депутатовъ для представленія ихъ министру.

На другой день, рано утромъ, когда я еще лежалъ въ постелѣ, но мнѣ вошли трое товарищей, и, разбудивъ меня, рассказали, что вчерашніе депутаты наши арестованы, университетъ запертъ и на дверяхъ вывѣшено объявленіе о временной приостановкѣ лекцій и

о томъ, что впредь никто изъ студентовъ безъ матрикουλъ въ университетъ допускаемъ не будетъ. „Вставай скорѣе!—заключили свой разговоръ товарищи,—идемъ въ университетъ!.. Всѣ студенты собираются туда на общую сходку“! Я наскоро одѣлся, и мы бѣгомъ пустились по набережной Невы къ нашей almae matris. У запертаго университетскаго подъѣзда стояла уже порядочная толпа студентовъ, которая съ каждой минутой увеличивалась. Со всѣхъ сторонъ стекались товарищи, по одиночѣ и группами, точно муравьи къ огромному муравейнику. Скоро все пространство между зданіемъ университета и набережной Нивы наполнилось молодежью. „Во дворъ! во дворъ! на сходку!“—послышались голоса,—и мы всѣ столпились въ узкомъ и длинномъ университетскомъ дворѣ, выходящемъ однимъ концомъ къ биржѣ, а другимъ—къ Невѣ. Здѣсь слухи объ арестѣ нашихъ депутатовъ подтвердились. Обратиться за разъясненіями и съ ходатайствами объ освобожденіи арестованныхъ было рѣшительно не къ кому: всѣ университетскіе входы и выходы были заперты и никого изъ начальствующихъ лицъ не показывалось. Мы почувствовали себя въ положеніи людей, у которыхъ все отняли и отъ которыхъ затѣмъ отвернулись и заперлись. Обидное чувство совершеннаго надъ нами насилія и полнѣйшаго безучастія къ нашему положенію овладѣло нами... Энергичныя, пламенныя рѣчи нашихъ ораторовъ-демагоговъ наэлектризовали тысячную толпу юношей въ высшей степени. Рѣшено было немедленно обратиться къ попечителю Филипсону съ просьбою объ освобожденіи депутатовъ и о представленіи подписанныхъ нами наканунѣ адресовъ по назначенію; но такъ какъ въ случаѣ отправленія къ нему лишь нѣсколькихъ выборныхъ студентовъ, послѣдніе, по всей вѣроятности, были бы арестованы, подобно предшествовавшимъ, то предложено было двинуться къ Филипсону всѣмъ университетомъ поголовно; но съ тѣмъ, чтобы для невозможнаго охраненія себя отъ нареканій и отвѣтственности, идти въ совершенной тишинѣ, безъ какихъ бы то ни было возгласовъ и въ самомъ строгомъ порядкѣ. „Къ Филипсону! Въ Колокольную!“—загудѣла толпа... „Тихе, господа! смирно! стройся! маршъ вперед!“ кричали распорядители... Университетскія ворота растворились настежь, и студенты стройными рядами и безъ всякаго шума выступили на улицу. Пока мы совѣщались во дворѣ, на набережной собралось много молодежи изъ другихъ учебныхъ заведеній и, въ особенности, студентовъ медицинскон академіи, явившихся на нравственную поддержку своихъ товарищей по наукѣ. Было и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, преимущественно изъ слушателей военныхъ академій. Сверхъ того, огромныя толпы праздныхъ зрителей собрались со всѣхъ сторонъ и съ удивленіемъ смотрѣли на наше небывалое шествіе. Былъ прекрас-

ный сентябрьскій день. Солнце ярко освѣщало длинную вереницу студенческой процессіи, голова которой приближалась уже къ Дворцовому мосту въ то время, когда хвостъ только еще выходилъ изъ университетскихъ воротъ. Дорогой къ намъ массами присоединялись дѣвѣицы, слушательницы университетскихъ лекцій и множество молодыхъ людей, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ студенчеству, или просто намъ сочувствовавшихъ. До Невскаго проспекта мы дошли, не замѣчая кругомъ себя ничего особеннаго. При появленіи нашемъ около Морскихъ улицъ и далѣе, по Невскому, французскіе парикмахеры выбѣгали изъ своихъ магазиновъ и съ оживленными лицами, сверкая глазами и весело потирая руки восклицали: „Revolution! Revolution! „V'la! ça commune! ça у est! Уoyons! Уoyons!“ и т. д... Этимъ нервнымъ сынамъ революціи, вѣроятно, уже мерещились столь любезные имъ революціонные клики, уличныя баррикады и прочіе атрибуты возстанія. Пройдя Полицейскій мостъ и подвигаясь далѣе, по солнечной сторонѣ Невскаго, мы увидѣли, что параллельно съ нами, по срединѣ улицы, ѣхали по одиночѣ шагомъ жандармы и шли городовые; но никто насъ не останавливалъ и только время отъ времени подходили къ намъ полицейскіе офицеры, весьма вѣжливо освѣдомлялись у насъ, куда мы идемъ, и затѣмъ удалялись, вѣроятно, для донесеній своему высшему начальству. Такъ, совершенно свободно и безпрепятственно достигли мы Колокольной улицы и остановились тамъ у подъѣзда квартиры попечителя. Сначала намъ сказали, что генерала нѣтъ дома; но когда мы объявили, что останемся на улицѣ и будемъ ждать его возвращенія, хотя бы до самой ночи, Филипсонъ выслалъ къ намъ предложеніе избрать изъ своей среды двухъ или трехъ товарищей для объясненій съ нимъ, но мы на это не согласились изъ опасенія, что и они, подобно вчерашнимъ депутатамъ, будутъ арестованы, и просили настоятельно, чтобы попечитель вышелъ къ намъ самъ. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ по этому предмету черезъ прислугу, во время которыхъ возбужденіе толпы и шумъ увеличивались все болѣе и болѣе, наконецъ вышелъ къ намъ на улицу генералъ Филипсонъ. На всѣ наши просьбы онъ отвѣчалъ увѣреніями, что все устроится, и увѣщаніями - сначала просто разойтись по домамъ, а когда мы на это не соглашались безъ вѣрныхъ гарантій исполненія нашихъ требованій, предложилъ намъ отправиться въ университетъ, куда обѣщаль тотчасъ же пріѣхать и самъ. Но мы на это обѣщаніе не надѣялись и настаивали, чтобы онъ отправился непременно вмѣстѣ съ нами. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ и видя, что мы рѣшительно не поддаемся ни на какія увѣщанія, попечитель, наконецъ, согласился ѣхать безотлагательно

въ университетъ и съѣлъ въ поданныя ему дрожки. „Въ университетъ!“ „въ университетъ!“ загудѣла толпа, и передніе ряды ея двинулись изъ Колокольной по направленію къ Владимірской. Но улица оказалась замкнутою конными жандармами, которые, поставивъ лошадей поперекъ, загородили намъ дорогу. Нѣсколько человѣкъ, вступивъ въ споръ съ солдатами и требуя пропуска, ударили ихъ лошадѣй и стали прорываться. Жандармы обнажили палаши и начали отбиваться ими отъ нападавшихъ. Въ эту минуту изъ одного изъ прилегающихъ къ улицѣ переулковъ показался взводъ пѣхотныхъ солдатъ, съ ружьями на перевѣсь, устремившихся въ толпу студентовъ... Произошла невообразимая свалка; но она продолжалась лишь нѣсколько секундъ, такъ какъ Филипсонъ тотчасъ же подскакалъ къ жандармамъ и приказалъ пропустить студентовъ. Солдаты разступились, попечитель предложилъ намъ проходить. Но теперь мы не двигались съ мѣста, требуя совершеннаго удаленія жандармовъ и пѣхотинцевъ, такъ какъ мы-де не бунтовщики, не арестанты и идти подъ конвоемъ несогласны. Была сдѣлана и эта уступка: жандармы и взводъ гвардейцевъ скрылись, генералъ Филипсонъ выѣхалъ на своихъ дрожкахъ по направленію къ Невскому, со всѣхъ сторонъ окруженный студентами, не дававшими ему ѣхать иначе, какъ шагомъ, и всѣ мы длинной, нескончаемой лентой потянулись за нимъ.

Было уже около 5-ти часовъ по полудни, когда вся эта процессія приблизилась къ университету.

Профессоръ Срезневскій и деканы факультетовъ были уже тамъ. Попечитель отправился къ нимъ, внутрь зданія, а мы снова вошли во дворъ, въ ожиданіи рѣшенія университетскаго совѣта. Въ это время разнесся слухъ, что за зданіями биржи, по распоряженію полиціи, спрятаны пожарныя команды съ бочками и трубами, вѣроятно, съ цѣлью разливать насъ водой, если мы не будемъ расходиться. Такая мѣра привела всѣхъ насъ въ очень веселое настроеніе и возбудила всеобщій смѣхъ, шутки и различныя остроты. Университетское начальство скоро выслало къ намъ сказать, чтобы мы прислали нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ товарищей для объясненія, чего именно мы хотимъ, такъ какъ объясняться со всѣми разомъ невозможно. Мы отвѣчали, что не можемъ этого сдѣлать, такъ какъ нашихъ выборныхъ арестуютъ. Нѣсколько разъ посланный отъ совѣта ходилъ съ переговорами отъ насъ къ совѣту и обратно; но дѣло не подвигалось. Наконецъ, къ намъ снова вышелъ попечитель съ обѣщаніемъ полной неприкосновенности тѣхъ, кого мы выберемъ для необходимыхъ объясненій и толковаго изложенія нашихъ домогательствъ. Успокоенные такимъ ручательствомъ, мы выбрали троихъ товарищей и поручили имъ передать совѣту, что мы просимъ, прежде

всего, его немедленнаго содѣйствія къ освобожденію нашихъ арестованныхъ депутатовъ, а затѣмъ, чтобы совѣтъ теперь же разрѣшилъ открыть для нашихъ занятій университетскую бібліотеку и научные кабинеты, независимо отъ удовлетворенія ходатайствъ, изложенныхъ въ адресахъ нашихъ на высочайшее имя и министру народнаго просвѣщенія. Представители наши возвратились съ отвѣтомъ, что бібліотека и кабинеты будутъ открыты съ завтрашняго дня и что совѣтъ сдѣластъ все возможное для удовлетворенія и остальныхъ нашихъ ходатайствъ, а для того, чтобы его заступничество за насъ передъ высшимъ начальствомъ было успѣшнѣе, проситъ насъ немедленно разойтись и ожидать результатовъ въ невозможной тишинѣ и спокойствіи. Послѣ этого намъ ничего болѣе не оставалось, какъ разойтись по домамъ, что мы и сдѣлали, такъ что пожарной командѣ, которая, дѣйствительно, оказалась за биржей, дѣйствовать своими инструментами не пришлось.

На слѣдующій день, университетъ оказался по-прежнему наглухо запертымъ со всѣхъ сторонъ; а затѣмъ мы узнали, что не только арестованные сначала наши депутаты не освобождены, но что и тѣ, которые объяснялись съ университетскимъ совѣтомъ, также подвергнуты аресту, и, наконецъ, что ночью полиція обходитъ дома, занимаемые студентами вообще, и арестовываетъ всѣхъ поголовно, производя предварительно строжайшіе обыски въ ихъ квартирахъ. Все это окончательно насъ взорвало. Мы совершенно недоумѣвали, что намъ дѣлать, что предпринять и къ кому обратиться для огражденія уже не только нашихъ корпоративныхъ студенческихъ правъ, но и личной безопасности каждаго изъ насъ. Студенты стали бѣгать по квартирамъ другъ друга и сзывать всѣхъ на новую сходку, чтобы добиться во что бы то ни стало освобожденія забранныхъ товарищей и обсудить, что дѣлать далѣе, и дня черезъ два снова собрались поголовно всѣ на университетскомъ дворѣ. Къ намъ присоединились многія дѣвицы, бывшія слушательницы университетскихъ лекцій. На этой сходкѣ наше возбужденіе достигло наивысшаго предѣла. Всѣ мы были страшно оскорблены и возмущены и неисполненными обѣщаніями, и произведенными надъ нами насиліями, и, вообще, слишкомъ уже грубымъ и несправедливымъ поправіемъ всѣхъ нашихъ правъ. Разгоряченные ораторы лѣзли на сложенные во дворѣ полѣнницы дровъ и съ высоты ихъ убѣждали насъ не выдавать пострадавшихъ за общестуденческое дѣло товарищей и не расходиться до тѣхъ поръ, пока ихъ не освободятъ. „Не разойдемся! Не разойдемся!“—кричала тысячная толпа молодежи. Затѣмъ, приступили къ обсужденію вопроса о томъ, что дѣлать далѣе. Такъ какъ государь въ это время находился въ Крыму, то одни предлагали идти къ кому-нибудь изъ

членовъ царской фамиліи, другіе доказывали необходимость обратиться къ генераль-губернатору и къ шефу жандармовъ, такъ какъ всѣ аресты произведены, очевидно, по ихъ распоряженію. Пока мы разсуждали, передъ зданіемъ университета сначала собралась огромная толпа публики, изъ которой многіе студенты-медики и нѣсколько дѣвицъ и офицеровъ присоединились къ намъ, выражая сочувствіе и желаніе раздѣлить съ нами нашу общую участь, а потомъ, кромѣ множества полиціи и жандармовъ, явились казаки и баталіонъ л.-гв. Финляндскаго полка и всѣ городскія власти, т. е. генераль-губернаторъ Игнатьевъ, начальникъ 3-го отдѣленія генераль Потановъ, оберъ-полицеймейстеръ генераль Паткуль, с.-петербургскій комендантъ баронъ Зальца и множество другихъ. Замѣчательно, что ни министра народнаго просвѣщенія, ни нашего университетскаго начальства мы въ этотъ критическій моментъ нашего существованія не видали, и только генераль Игнатьевъ, вызывая на набережную, за университетскія ворота двухъ—трехъ студентовъ, поручилъ имъ передать товарищамъ увѣщаніе разойтись добровольно, угрожая въ противномъ случаѣ дѣйствовать вооруженной силой; но мы единодушно отвѣчали, что не разойдемся до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены наши арестованные товарищи. Разнесся слухъ, что за закрытыми наглухо воротами съ другаго конца двора, со стороны биржи, поставлены пушки, и что въ случаѣ нашего дальнѣйшаго сопротивленія, эти ворота растворятся, и на насъ будутъ пущены залпы картечи, тогда какъ со стороны Невы мы будемъ встрѣчены ружейнымъ огнемъ финляндцевъ. Хотя, въ дѣйствительности, нисколько пушекъ не было, а позади воротъ, со стороны биржи стоялъ баталіонъ преображенцевъ, тѣмъ не менѣе, угрозы Игнатьева стрѣлять по насъ произвели очень сильное впечатлѣніе: на минуту нами овладѣла паника, но раздались крики наиболѣе популярныхъ и любимыхъ нашихъ товарищей: „Не робѣйте, братцы! Они не посмѣютъ стрѣлять въ насъ; а если и посмѣютъ,—не будемъ трусами, стоимъ твердо за товарищей и умремъ за нихъ!“—„Умремъ! Умремъ!“—загудѣла толпа съ энтузіазмомъ отчаянія. Предложено было женщинамъ немедленно удалиться; но всѣ онѣ оскорбились такимъ предложеніемъ и рѣшительно объявили, что онѣ не тронутся съ мѣста и раздѣлятъ участь своихъ товарищей-студентовъ до самаго конца. Такое заявленіе придавало намъ еще больше рѣшимости и энергіи. Генераль Игнатьевъ еще разъ прислалъ объявить намъ, что, послѣ троекратнаго предостереженія, онъ прикажетъ открыть огонь. „Пусть открываютъ, если посмѣютъ!“—отвѣчали мы. Тогда на дровахъ показалась высокая, черная фигура одной изъ наиболѣе уважаемыхъ нами и наиболѣе преданныхъ наукѣ и студенчеству университетскихъ слушательницъ,

Маріи Арсеньевны Богдановой, пріобрѣвшею впослѣдствіи широкую педагогическую извѣстность. Глаза ея были заплаканы, лицо красно и въ высшей степени возбуждено. Она начала убѣждать насъ, что стрѣлять въ насъ навѣрно и ни въ какомъ случаѣ не будутъ, такъ просто не рѣшатся на свой страхъ положить на мѣстѣ до двухъ тысячъ учащейся молодежи; а просто врѣжутся въ нашу толпу жандармы и казаки и начнутъ хлестать насъ нагайками и хватать по одиночкѣ. Боротся противъ грубой физической силы мы не въ состояніи и, кромѣ тяжкаго личнаго оскорбленія и поголовнаго ареста, мы рѣшительно ничего не добьемся. „Поэтому,—заклчила свою рѣчь Богданова,—мы всѣ, присутствующія здѣсь женщины, умоляемъ васъ, дорогіе товарищи, ради спасенія нашей общей чести и нашего общаго дѣла, уступить очевидной невозможности сопротивленія, разойтись сейчасъ же, дабы имѣть возможность обратиться за защитой и поддержкой нашего праваго дѣла ко всему интеллигентному обществу Петербурга“. Слова эти произвели на насъ сильно отрезвляющее дѣйствіе, и послѣ весьма непродолжительныхъ споровъ и разсужденій, рѣшено было войти съ генераломъ Игнатьевымъ въ переговоры относительно условій нашей капитуляціи. Такъ какъ объ освобожденіи арестованныхъ студентовъ, въ эту минуту, не могло быть рѣчи, какъ о предметѣ, составлявшемъ, главнымъ образомъ casus belli, то теперь мы требовали только, во-первыхъ, обѣщанія, что никто изъ насъ не будетъ подвергнутъ аресту, и во-вторыхъ, чтобы войска были немедленно убраны, такъ какъ мы готовы разойтись не иначе, какъ совершенно свободно, безъ всякаго вмѣшательства вооруженной силы. Соблюденіе перваго условія намъ было обѣщано безъ особыхъ затрудненій; но на второе городскія власти долго не соглашались, вѣроятно, опасаясь какихъ-либо уличныхъ демонстрацій съ нашей стороны. Нѣсколько разъ мы начинали было выходить изъ воротъ на набережную Невы, но, видя не трогавшіяся съ мѣста войска, возвращались во дворъ. Наконецъ, заручившись нашимъ честнымъ словомъ, что мы безъ всякихъ остановокъ и сходовъ на улицѣ, немедленно разойдемся, каждый, по своимъ домамъ, войскамъ было скомандовано двинуться во-свои, и какъ только на набережной не осталось почти никого изъ нихъ, кромѣ двухъ—трехъ маленькихъ патрулей, мы начали дефилировать изъ воротъ мимо стоявшей сбоку группы военнаго генералитета, вѣжливо раскланиваясь съ генераломъ Игнатьевымъ и прочими сановниками. Подходя по набережной къ зданію 1-го кадетскаго корпуса, мы увидѣли двухъ солдатъ съ ружьями, ведшихъ очевидно арестованнаго медицинскаго студента въ ворота этого зданія. Оттолкнуть этихъ солдатъ и скрыть въ нашей толпѣ этого медика, пострадавшаго за наше дѣло, было дѣломъ одного

мгновенія. Это, впрочемъ, былъ единственный случай нарушенія полного спокойствія, въ которомъ мы разбрелись по своимъ квартирамъ и студенческимъ кухмистерскимъ. Такъ кончился второй день нашей маленькой гражданской войны.

Со слѣдующей же ночи начались многочисленные аресты студентовъ и продолжались каждую ночь, пока чуть не всѣ изъ выдающихся нашихъ товарищей не исчезли неизвестно куда. Между тѣмъ, оставшіеся еще на свободѣ тихонько, крадучись, навѣщали другъ друга, сходились маленькими кружками, изъ опасенія быть накрытыми и схваченными, и совѣщались относительно плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Эти маленькіе кружки сообщались между собою посредствомъ своихъ отдѣльныхъ членовъ, передававшихъ мнѣнія и рѣшенія одного кружка другому.

Тѣмъ не менѣе, каждое утро мы узнавали о новыхъ и новыхъ арестахъ. Спустя нѣсколько дней, студенты вновь собрались, въ числѣ отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, во дворѣ университета и объявили прискакавшимъ на мѣсто сходки городскимъ властямъ, что не разойдутся ни въ какомъ случаѣ, пока не освободятъ ихъ арестованныхъ товарищей; и если этого не послѣдуетъ,—пусть арестовываютъ всѣхъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ и увѣщаній, они были окружены войсками и конными жандармами и отведены подъ сильнымъ конвоемъ въ Петропавловскую крѣпость. Дня черезъ четыре послѣ этого, оставшіеся еще на свободѣ вновь собрались передъ зданіемъ университета, между главнымъ его фасадомъ, со стороны биржи и биржевымъ скверомъ. Опять съѣхалось городское начальство и явились жандармы и войска. Эта группа студентовъ была еще многочисленнѣе предшествовавшей, и такъ же, какъ и та, требовала или освобожденія заключенныхъ, или присоединенія къ нимъ и ихъ. Но на этотъ разъ начальство не соглашалось не только на первое, но и на второе и строжайше приказывало разойтись немедленно. Студенты не двигались съ мѣста. Наконецъ, раздалась какая-то команда—и стоявшіе со стороны биржи конные жандармы, обнаживъ палаши, стали тѣснить студентовъ по направленію къ набережной, а пѣхотные солдаты—отъ Невы, со стороны Академіи Наукъ,—къ университетскимъ воротамъ. Произошла свалка. Студенты отбивались палками, солдаты, прижавъ ихъ къ рѣшеткѣ университетскаго сада и все болѣе и болѣе оттѣсняя къ воротамъ, дѣйствовали прикладами и палаши. Многие изъ студентовъ были ранены, и одинъ изъ нихъ, получивъ ударъ палашомъ въ голову, былъ безъ чувствъ отвезенъ въ больницу, гдѣ, впрочемъ, пролежавъ нѣсколько времени, выздоровѣлъ. Это побоище окончилось тѣмъ, что студенты загнанные сначала на университетскій дворъ, были окружены тамъ тройною цѣпью

пѣшихъ и конныхъ солдатъ и, такъ же, какъ и первая группа, отведены въ крѣпость. Во время движенія этой процессіи по Васильевскому острову и Петербургской сторонѣ, многіе изъ студентовъ, не бывшіе на сходѣ, догоняли конвоируемыхъ, прорывались насильно сквозь цѣпь и присоединялись къ товарищамъ, объясняя, что они не желаютъ оставаться на свободѣ, а хотятъ во что бы то ни стало раздѣлнить общую участь.

Такимъ образомъ, всѣхъ студентовъ, вмѣстѣ съ забранными по квартирамъ, было не менѣе тысячи человѣкъ. Изъ нихъ около ста, казавшихся наиболѣе виновными и не имѣвшихъ въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ, были тотчасъ же, безъ всякаго суда, отправлены административнымъ порядкомъ, кто—на родину, кто—по разнымъ захолустнымъ городамъ Россійской имперіи. Всѣ остальные раздѣлены на двѣ большія группы, и одна изъ нихъ оставлена въ Петропавловской крѣпости, а другая — перевезена на пароходѣ въ Кронштадтъ и тамъ размѣщена въ какихъ-то казармахъ. Во время всѣхъ этихъ прискорбныхъ столкновеній съ городской администраціей, собственно университетское начальство ступевалось оковчательно, что называется, умыло руки, и, какъ ходили слухи, совѣтъ университета заявилъ правительству, что онъ отказывается отъ студентовъ, передаетъ ихъ совершенно въ руки высшихъ властей и проситъ только о возможной мягкости и снисхожденіи къ увлеченіямъ молодежи.

Вскорѣ была назначена слѣдственная коммиссія по дѣлу объ университетскихъ беспорядкахъ и производство самаго слѣдствія поручено профессору государственнаго и полицейскаго права И. Е. Андреевскому, который, надо отдать ему справедливость, повелъ дѣло не только гуманно, но и въ высшей степени доброжелательно для студентовъ, стараясь всѣми силами выгородить ихъ передъ правительствомъ и доказать, что въ произведенныхъ ими беспорядкахъ, кромѣ простой юношеской вспышки, рѣшительно ничего политическаго и антиправительственнаго не было. Убѣдить, кого слѣдовало, въ полнѣйшемъ отсутствіи того и другаго было тѣмъ болѣе необходимо для спасенія студентовъ, что въ городѣ стали ходить слухи, распространявшіеся нѣкоторыми, наиболѣе желавшими подслужиться газетами, будто вся студенческая исторія была прямымъ результатомъ польской пронаганды. Но это были чистѣйшая ложь и клевета. Правда, между нами было тогда много студентовъ поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній; но всѣ они, не найдя среди насъ никакой почвы для назрѣвавшихъ тогда польскихъ замысловъ, держались отъ насъ совершеннымъ особнякомъ и тщательно замыкались отъ насъ въ своемъ собственномъ кружкѣ. Съ другой стороны близ-

кія отношенія студенчества къ такимъ общественнымъ дѣятелямъ, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Михайловъ, Лавровъ и проч., конечно, не могли не вліять на насъ въ смыслѣ усиленнаго развитія въ насъ самосознанія, чувствъ самостоятельности, независимости и отвращенія къ безправію и грубому произволу, но, тѣмъ не менѣе, эти отношенія не имѣли никакой прямой связи съ нашими исключительно корпоративными, студенческими демонстраціями, въ которыхъ мы добивались только сохраненія нашихъ библіотеки и кассы, отмѣны матрикулъ, расширенія права бесплатнаго слушанія лекцій немущими студентами и рѣшительно никакихъ другихъ требованій мы не заявляли.

Пишущему эти строки не пришлось быть арестованнымъ, и потому всѣ подробности пребыванія студентовъ подъ стражей ему неизвѣстны. По рассказамъ товарищей, которыхъ онъ посѣщалъ почти каждое воскресенье въ Петропавловской крѣпости, арестъ этотъ не только не былъ тяжелъ для беззаботныхъ юныхъ узниковъ въ такой огромной товарищеской семьѣ, но даже—веселье. Студенты были размѣщены въ большихъ общихъ камерахъ, прогуливались въ крѣпостномъ саду, кормили ихъ довольно сносно, и, кромѣ того, родственникамъ совершенно безпрепятственно дозволялось присылать арестованнымъ рѣшительно все, до табаку и папирозъ включительно, кромѣ, разумѣется, спиртныхъ напитковъ. Каждую недѣлю дважды, по средамъ и воскресеньямъ, допускались свиданія съ родными въ квартирѣ коменданта, превращавшейся въ эти дни въ какой-то огромный ресторанъ, кипящій ликующей молодежью. Нѣсколько огромныхъ залъ комендантской квартиры въ верхнемъ этажѣ и нѣсколько комнатъ внизу наполнялись народомъ. Мебели, конечно, далеко не хватало, сидѣли на подоконникахъ, на столахъ, на ступенькахъ лѣстницъ и просто на полу, самыми разнообразными группами.

Въ густомъ табачномъ дыму мелькали веселыя, возбужденныя лица юношей, изрѣдка перемежавшіяся тревожными, печальными или строгими серьезными фізіономіями родителей, озабоченныхъ участію своихъ сыновей. Самый оживленный говоръ, веселые раскаты звонкаго молодого смѣха, бойкіе студенческіе напѣвы,—все это, что называется, стономъ стояло въ воздухѣ. Обильныя угощенія всевозможными яствами, и подъ шумокъ и столь любимымъ студентами пивомъ, широко дѣлились между товарищами, такъ что эти оригинальные арестанты буквально пиршествовали. Въ книгахъ, журналахъ и газетахъ тоже не было недостатка. Утро студенты проводили въ чтеніи и разныхъ занятіяхъ, а послѣ обѣда устраивали вокальныя упражненія, драматическія сцены и даже сочинили цѣлую

оперу, музыка которой была аранжирована на мотивы любимых въ то время итальянскихъ оперъ: „Вильгельмъ Телль“, „Пуритане“, „Трубадуръ“, „Травиата“, „Лючія“ и др., а либретто составлено изъ юмористическихъ стиховъ, въ которыхъ въ комическомъ свѣтѣ изображалась вся тогдашняя студенческая исторія, министр народнаго просвѣщенія, адмиралъ Путятинъ, попечитель Филиппсонъ, высшіе чины полиціи и другіе представители администраціи, съ которыми студенты приходили въ столкновеніе. Опера эта вращалась тогда по городу въ многочисленныхъ спискахъ, но, къ сожалѣнію, у меня она уже давно затерялась, а въ памяти осталось лишь начало выходной аріи адмирала Путятина:

Отъ юности моей
Не видѣлъ я такой напасти!..
Какъ у нашего корабля
Не полопались бы снасти!..

Да еще хоръ, распѣвавшійся студентами при освобожденіяхъ изъ крѣпости, на мотивъ извѣстной аріи изъ „Травиаты“ („Bibiam! bibiam! bibiam! bibiam!“):

„Скорѣ собирайте пожитки!
Избавились всѣ мы отъ пытки!..
Скажите же всѣ безъ пристрастья:
Ну, какъ не питать намъ участья
Къ великимъ судьбамъ самовластья!..
Свобода! Свобода! Свобода!
Скажите, какіе въ Европѣ народы
Имѣютъ такую свободу?!..
Свобода! Свобода! Свобода!.. и т. д.

Содержавшимся въ Кронштадтѣ жилось значительно хуже, такъ какъ, по отдаленности отъ Петербурга, родные и товарищи носѣщали ихъ гораздо рѣже, особенно въ промежутокъ времени отъ начала осенняго ледохода до установленія зимняго пути; и также рѣже и менѣ доставлялось имъ всякой провизіи и книгъ. По этому поводу припоминается мнѣ одна чрезвычайно оригинальная и симпатичная личность, нѣкто К., здравствующій, кажется, и понынѣ. Въ гимназіи онъ былъ однимъ изъ самыхъ благонаправныхъ, тихихъ и скромныхъ мальчиковъ. Всегда задумчивый и мало разговорчивый, онъ проявлялъ склонность къ математикѣ и въ университетѣ поступилъ на математическій факультетъ. Совершенно бѣдный и одинокій, онъ былъ казеннымъ стипендіатомъ и въ теченіе трехъ лѣтъ всегда аккуратно являлся на лекціи, неизвѣстно откуда и уходилъ съ лекцій неизвѣстно куда. Никакого участія въ товарищескихъ кружкахъ не онъ принималъ, въ гости почти ни къ кому не ходилъ, ни въ кутежахъ, ни

въ какихъ-либо студенческихъ сборищахъ и демонстраціяхъ отнюдь не участвовалъ и, вообще, кромѣ исправнаго посѣщенія лекцій, такой же сдачи экзаменовъ и постоянно ровнаго, добродушнаго и кроткаго отношенія ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось входить въ сопряженіе, рѣшительно ни въ чемъ не проявлялся. Тотчасъ послѣ ареста огромнаго числа студентовъ, К. чрезвычайно усердно сталъ посѣщать оставшихся на свободѣ товарищей, родителей и другихъ родственниковъ тѣхъ, кто содержался въ Кронштадтѣ, собиралъ для нихъ деньги, папиросы, книги и газеты, чай, сахаръ, съѣстные припасы, бѣлье и проч., и все это отвозилъ кронштадтскимъ плѣнникамъ. Такое собраніе и свои поѣздки въ Кронштадтъ онъ совершалъ регулярнѣйшимъ образомъ еженедѣльно, не взирая ни на какую погоду, ни на какія трудности пути сообщенія съ Кронштадтомъ во время осенней распутицы, нагруженный, какъ верблюдъ, разными узлами и свертками, и изъ собранныхъ денегъ никогда не тратившій ни гроша ни на извозчиковъ, ни на что-либо другое, кромѣ желѣзной дороги или парохода, и то потому, что своихъ денегъ у него не было, такъ какъ, по случаю студенческихъ исторій, онъ лишился и той крошечной десяти-рублевой стипендіи, которую получалъ. И позднѣе осенью, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, этотъ удивительный юноша, въ ветхомъ, подбитомъ вѣтромъ студенческомъ пальтишкѣ, продолжалъ свои отдаленныя пилигримства на помощь страждущимъ товарищамъ, въ числѣ которыхъ, надо замѣтить, у него не было не только родственниковъ, но даже и сколько-нибудь близкаго друга во 2-хъ, чтобы и остальные не оставались въ теченіе цѣлаго года безъ всякихъ занятій, что могло имѣть весьма вредное вліяніе не только на нихъ самихъ, но и относительно общественнаго спокойствія и порядка. Поэтому, и высшая администрація не только не препятствовала организаціи правильныхъ университетскихъ курсовъ, въ формѣ частныхъ публичныхъ лекцій, но даже способствовала привлеченію къ нимъ университетской молодежи, объявивъ, что временная коммиссією студенты 4-го курса, которые въ теченіе этой зимы прослушаютъ, по предметамъ этого курса, частныя публичныя лекціи, въ маѣ будутъ допущены къ сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ. Чтеніе такихъ лекцій приняли на себя многіе изъ университетскихъ профессоровъ, какъ, напр., Костомаровъ, Стасюлевичъ, Андреевскій, Крихфельдъ, Пыпинъ и проч. Кромѣ того, предложили свои услуги и другіе ученые, не принадлежавшіе къ университетской корпораціи, какъ, напр., Лохвицкій по уголовному праву, профессоръ Павловъ по исторіи. Однѣ изъ этихъ лекцій происходили въ залѣ евангелическаго Петропавловскаго училища, а другія—въ залахъ городской думы. Ни какого-либо контроля относительнаго правильнаго посѣщенія этихъ

лекцій, ни строгой системы въ самомъ чтеніи ихъ не существовало. Тѣмъ не менѣе, эти импровизированные курсы посѣщались весьма усердно, тѣмъ болѣе, что большинство приглашенныхъ для нихъ профессоровъ были изъ числа излюбленныхъ студентами. Впрочемъ, онѣ продолжались менѣе трехъ мѣсяцевъ и въ концѣ марта прекратились, вслѣдствіе новыхъ волненій среди университетской молодежи, начавшихся по поводу закрытія журнала „Современникъ“ и ареста одного изъ выдающихся и наиболѣе популярныхъ изъ его сотрудниковъ, Добролюбова. Въ пользу его тотчасъ же былъ устроенъ большой литературно-музыкальный вечеръ въ залѣ Кононова, замаскированный объявленіемъ, что онъ дается въ пользу недостаточныхъ студентовъ. И самая программа этого вечера была составлена крайне тенденціозно, и исполненіе ея было въ высшей степени возбуждающаго свойства. Такъ, напримѣръ, Рубинштейномъ былъ исполненъ чрезвычайно эффектный маршъ „Les ruines d'Athènes“, тема котораго, какъ извѣстно, заключается въ изображеніи восстанія угнетенныхъ грековъ; В. С. Курочкинъ прочиталъ свой переводъ стихотворенія Беранже „Штучки“, въ которомъ воспѣваются томленія несчастной узницы въ клѣткѣ и затѣмъ ликованіе ея, когда она вырвалась на свободу; Н. Г. Чернышевскій сдѣлалъ устное сообщеніе о жизни и значеніи литературной дѣятельности Добролюбова, въ тонѣ и характерѣ, какъ нельзя болѣе соответствовавшемъ тогдашнему возбужденному настроенію публики; профессоръ исторіи Павловъ произнесъ рѣчь по поводу праздновавшагося въ тотъ годъ тысячелѣтія Россіи. Главнымъ господствующимъ мотивомъ всей этой рѣчи, связанной съ недавно передъ тѣмъ совершившимся великимъ событіемъ—освобожденіемъ крестьянъ, было рабство русскаго народа и свобода. Эта основная мысль безпрестанно и усиленно подчеркивалась, развивалась въ широко либеральномъ духѣ, въ концѣ рѣчи ораторъ высказалъ, что освобожденіе крестьянъ есть только первый шагъ къ полному освобожденію Россіи, и кончилъ слѣдующими словами: „если правительство остановится на этомъ первомъ шагѣ, то оно остановится на краю пропасти... Имѣющіе уши слышати да слышать!“... Этотъ заключительный возгласъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на слушателей, и безъ того уже сильно наэлектризованныхъ. Взрывъ рукоплесканій, оглушительные вызовы и крики одобренія были отвѣтомъ оратору, пошавшему, что называется, въ самую жилку общаго настроенія всей залы. Профессоръ нѣсколько разъ выходилъ на сцену, раскланивался, показывалъ, что хочетъ говорить, и каждый разъ, какъ только стихалъ невообразимый шумъ, восклицалъ: „имѣющіи уши слышати—да слышать!“ и аплодисменты, вызовы, крики bravo, топотъ ногами, стулъ стульями, маханье платками и шляпами съ

каждымъ такимъ возгласомъ становились все неистовѣе и неистовѣе. Это было уже не восторженное одобреніе оратору, не энтузіазмъ высшаго удовольствія, а бурная демонстрація, прекращенная усиліями полиціи, торонившейся очистить залу, и продолжавшаяся отчасти еще и на улицѣ.

На слѣдующее утро по городу разнесся слухъ, что Павловъ прямо изъ залы Кононова былъ арестованъ и затѣмъ высланъ на жительство въ г. Ветлугу. Извѣстіе это произвело большое волненіе среди петербургской интеллигенціи вообще, и въ университетской молодежи цѣлую бурю и, въ связи съ другими обстоятельствами, въ которыхъ студенты увидѣли новыя стѣсненія своей свободы со стороны высшей администраціи, послужило поводомъ къ шумнымъ демонстраціямъ на лекціяхъ. Слушатели раздѣлились на партіи, изъ которыхъ одна требовала прекращенія лекцій, другая же стояла за продолженіе ихъ. Между представителями обѣихъ партій эта борьба стала выражаться крайне прискорбными, въ высшей степени рѣзкими столкновеніями, выходившими за предѣлы всякаго приличія. Профессоръ Костомаровъ, аудиторія котораго обыкновенно была переполнена слушателями, продолжалъ свои чтенія, не взирая на настоятельныя требованія нѣкоторыхъ прекратить ихъ. На одной изъ такихъ лекцій недовольные прервали чтеніе свистками и криками. Взбѣшенный профессоръ воскликнулъ: „Это свистятъ нынѣшніе Хлестаковы и будущіе Расплюевы!“ Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ въ залѣ поднялся такой страшный шумъ и всякаго рода беспорядокъ, что пришлось очистить залу мѣрами полиціи. Лекціи закрылись окончательно. Еще нѣсколько десятковъ главныхъ зачинщиковъ были арестованы и высланы изъ Петербурга, а остальнымъ, отданнымъ на поруки родственникамъ подъ строгій надзоръ полиціи, объявлено, что съ мая особенною экзаменаціонною комиссіею начнется для желающихъ производство выпускныхъ экзаменовъ.

Мало-по-малу все успокоилось, и молодежь усѣлась за свои университетскія записки и другія учебныя руководства, сознавъ, что теперь предстоитъ дѣло, отъ болѣе или менѣе успѣшнаго окончанія котораго будетъ зависѣть вся дальнѣйшая судьба cadaго изъ насъ.

Экзаменаціонная комиссія, составленная частью изъ прежнихъ профессоровъ университета, частью же, за выходомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отставку, изъ профессоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, открыла свои дѣйствія съ первыхъ чиселъ мая, и, надо сказать правду, кандидатскіе экзамены наши отличались не только снисходительностью, но и крайнею беспорядочностью. вмѣсто правильного прохожденія послѣдняго курса, выпускные студенты прослушали, какъ упомянуто выше, только кое-какіе обрывки въ думѣ

и Петропавловскомъ училищѣ; остальное, требовавшееся по программамъ, приходилось пополнять записками студентовъ прежнихъ выпусковъ и печатными учебниками и монографіями. Кромѣ перешедшихъ на послѣдній курсъ на экзамены являлись и студенты низшихъ курсовъ и многіе изъ нихъ до того неподготовленные, что, при всей снисходительности экзаменаторовъ, проваливались съ великимъ скандаломъ; нѣкоторые же, поспособиѣе и побойчѣе, прямо даже со втораго курса выдерживали экзаменъ на кандидата. Все шло относительно благополучно: профессора, вѣроятно, по внушенію свыше, смотрѣли сквозь пальцы, какъ экзаменующіеся перевирали ихъ лекціи, да и то, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое, и съ невозможною во всякое другое время щедростью ставили кандидатскіе баллы, съ очевиднымъ желаніемъ раздѣлаться какъ можно скорѣе съ этой, надѣлавшей столько шума и хлопотъ, молодежи, чтобы со слѣдующаго академическаго года открыть университетъ съ новымъ учебнымъ персоналомъ, не зараженнымъ духомъ анархіи и противоборства. Этою послѣднею цѣлью и объясняется дозволеніе держать выпускные экзамены всѣмъ студентамъ безъ различія курсовъ...

Но въ послѣднихъ числахъ мая, когда экзамены были еще далеко не окончены, въ Петербургѣ произошло событіе, отразившееся потрясающимъ образомъ на всемъ населеніи столицы и обрушившееся на студентовъ: начался тяжелый періодъ непрерывныхъ пожаровъ въ городѣ, продолжавшихся нѣсколько недѣль и завершившихся колоссальнымъ, по истинѣ Геростратовскимъ сожженіемъ Аправсина и Толкучаго рынковъ.

Началось это бѣдствіе съ половины мая. Каждый день стали вспыхивать пожары въ различныхъ частяхъ города и съ каждымъ днемъ чаще и чаще, сильнѣе и сильнѣе. Погода стояла уже совершенно теплая, даже были жаркіе дни, и всѣ эти несчастные случаи сначала приписывали обыкновеннымъ причинамъ, — неисправности дымовыхъ трубъ, неосторожному обращенію съ огнемъ и т. п., но по мѣрѣ учащенія пожаровъ и при томъ, одновременно въ разныхъ концахъ Петербурга и такъ, что дома загорались вдругъ съ нѣсколькихъ противоположныхъ сторонъ, заговорили объ умышленныхъ поджогахъ. Студенты, въ разгарѣ своихъ экзаменовъ, совершенно погруженные въ профессорскія записки и книги, не замѣчали ни происходившаго вокругъ ихъ бѣдствія, ни все болѣе и болѣе распространявшейся въ обществѣ паники, когда наступилъ достопамятный Духовъ день 1862 года.

Съ самаго утра этого дня погода стояла прекрасная, и въ середнѣй дня весь городъ почти совсѣмъ опустѣлъ: одни густыми толпами новалили на Охту, по случаю бывшаго тамъ храмоваго празд-

ника, другіе массами отправились въ Лѣтній садъ, на традиціонное въ этотъ день гуляніе и выборъ невѣсты, третьи устремились въ Петергофъ, гдѣ тоже происходило какое-то празднество; наконецъ, очень многіе разѣхались по разнымъ окрестностямъ; словомъ, всякій, кто только имѣлъ возможность отлучиться, бѣжалъ изъ Петербурга. Только въ числѣ немногихъ труженниковъ, пригвожденныхъ къ своему мѣсту, студенты сидѣли по своимъ угламъ и спѣшно готовились къ предстоявшему на другой день экзамену.

Помню, я въ это время жилъ у одного изъ моихъ товарищей, студента Ф. въ Троицкомъ переулкѣ, и оба мы зубрили свои записки. Родители его переѣхали на дачу, и въ квартирѣ, кромѣ насъ двоихъ, рѣшительно никого не было, даже и прислуги. Пообѣдавъ, я отправился часу четвертомъ на Толкучій рынокъ, чтобы купить какую-то понадобившуюся мнѣ книгу; но всѣ лавки казались запертыми, и я возвратился, не замѣтивъ ни на Толкучемъ, ни на тѣхъ улицахъ, по которымъ проходилъ, ничего особеннаго. Не прошло и часа по моемъ возвращеніи, когда въ нашей квартирѣ раздался порывистый звонокъ, и въ переднюю вошелъ знакомый студентъ К. съ возгласомъ:

— Вы тутъ долбите, а и не знаете, что около васъ страшный пожаръ: горитъ весь Толкучій!

— Что ты врешь! — возразилъ я, — я только-что оттуда, и тамъ нѣтъ ничего подобнаго.

— Взгляни самъ, такъ и увидишь.

Я отправился въ кухню, окно которой выходило въ сторону, противоположную Троицкому переулку, т. е. къ Фонтанкѣ, и увидѣлъ громадное пламя, высоко взвивавшееся къ небу, въ черныхъ густыхъ тучахъ дыма, застилавшихъ свѣтъ солнечный. Я бросился на улицу и черезъ Щербаковъ переулокъ побѣжалъ на набережную Фонтанки и затѣмъ, черезъ Чернышевъ мостъ, — къ Толкучему и Апраксину дворамъ.

Трудно изобразить словами, что тамъ представилось моимъ глазамъ...

Весь огромный четырехугольникъ Апраксина двора, внутри застроенный множествомъ деревянныхъ лавокъ, шалашей и ларей, биткомъ набитыхъ всевозможными товарами и старымъ хламомъ, пылалъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ колоссальный гигантскій востеръ, изрыгая изъ себя цѣлое море пламени. Все это пожарище было окружено обезумѣвшимъ отъ страха, отчаянія и безпомощной суеты народомъ, громадными кучами выбрасывавшихъ изъ лавокъ товары, множествомъ нагружавшихся роспусковъ и телѣгъ, полиціей и войсками и, наконецъ, — пожарными, всѣ старанія которыхъ что-нибудь сдѣлать были ничтожны въ этой борьбѣ съ огненной стихіей,

разбушевавшейся во всю свою непреборимую мощь на широкомъ просторѣ. Въ этомъ страшномъ хаосѣ посторонняго наблюдателя поражала и алчность человѣческая, разгулявшаяся во всей своей отвратительной наготѣ: изъ-за каждой трапки люди готовы были живьемъ проглотить другъ друга; чувство безграничной жадности преодолѣвало всѣ остальные и обезображивало лица; ломовые извозчики за вывозъ спасаемаго товара требовали до 25-ти и даже 40 рублей съ воза! Со стороны Фонтанки пылало зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ головнями и пламенемъ изъ него вылетали цѣлыми тучами массы горящей бумаги, цѣлыя связки дѣлъ страшною силою огня и вѣтра летѣли въ Фонтанку, и многія перебрасываемыя черезъ нее, падали на крыши противоположныхъ домовъ, достигая даже Щербакова переулка, и зажгли находившійся на углу его деревянный дворъ, отъ котораго пожаръ распространился и по этому переулку.

По разсказамъ очевидцевъ, ужасъ и отчаяніе множества людей, находившихся въ то время въ Петергофѣ, на островахъ, въ Лѣтнемъ саду и въ другихъ мѣстахъ, когда они узнали о пожарѣ Апраксина двора, не поддавались никакому описанію. Тысячныя толпы бѣжали со всѣхъ ногъ, падая и давя другъ друга: каждого извозчика хватали буквально съ бою, желѣзнодорожные поѣзда и пароходы, уже безъ всякихъ билетовъ, облѣплялись людьми, какъ мухами; многіе, не попавъ на поѣздъ, бросались вслѣдъ за нимъ, умоляя принять ихъ, обезумѣвъ отъ отчаянія, хватались за колеса, другіе бѣжали по полотну дороги и, задыхаясь, падали. Словомъ, всѣ потеряли головы, устремляясь изо всѣхъ силъ на пожарище, въ надеждѣ спасти хоть что-нибудь изъ своего достоянія. Многіе, кромѣ имущества, оставили въ своихъ квартирахъ малолѣтнихъ дѣтей, и это еще болѣе увеличивало ужасъ ихъ положенія.

Само собою разумѣется, все, что было внутри Апраксина двора, выгорѣло до тла и остались только наружныя его стѣны. Изъ массы спасенныхъ товаровъ многое повреждено огнемъ, и почти все подмочено и испорчено, расхищено тоже было не мало, и, такимъ образомъ, убытки простирались на огромныя суммы.

Перекинувшись на другую сторону Фонтанки, пожаръ распространился по Щербакову переулку и истребилъ въ немъ почти всѣ дома до Троицкаго переулка.

Въ самый разгаръ огня на Толгучемъ рынкѣ вспыхнули еще пожары по Шлиссельбургскому тракту, около стеклянныхъ заводовъ и на Васильевскомъ островѣ, такъ что всѣхъ наличныхъ пожарныхъ силъ Петербурга далеко не могло хватить для одновременнаго тушенія огня одновременно въ нѣсколькихъ противоположныхъ частяхъ города.

Страшная паника охватила все населеніе. Всю ночь напролет, казалось, никто не ложился спать, опасаясь за свою жизнь и имущество. До самого утра люди толпами ходили и стояли по улицам, рассказывали другъ другу разные толки и слухи, одни ужасѣе и невѣроятнѣе другихъ. Полиція и вся вообще столичная администрація, что называется, сблизилъ съ ногъ, бросаясь во все стороны по ежесекундно получавшимся тревожнымъ извѣстіямъ объ опасностяхъ то здѣсь, то тамъ, большее частью минимыхъ, созданныхъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, напуганнымъ воображеніемъ. Первое возбужденіе у многихъ доходило до того, что, забывшись въ тревожномъ снѣ, они вдругъ вскакивали безъ всякаго повода и съ крикомъ „пожаръ! горитъ!“ выбѣгали на улицу.

На другой день были распубликованы отъ полиціи различныя предостереженія мѣры. Приказано было дворникамъ ни днемъ, ни ночью не отлучаться отъ воротъ, каждаго входящаго въ домъ непременно спрашивать, кто онъ и къ кому именно идетъ и лицъ незнакомыхъ провожать до самыхъ квартиръ. Въ казенныхъ зданіяхъ расставлены сторожа не только у входовъ, но и на лѣстницахъ и въ корридорахъ; на крышахъ и всюду, гдѣ только представлялась малѣйшая опасность отъ поджога, расставлялись бочки и кадки съ водою. По городу распространялись увѣренія, что злоумышленники намазывали стѣны и крыши горючими веществами, легко воспламенявшимися отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, говорили, будто нѣсколько человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ были застигнуты на мѣстѣ преступленія. Возмущенный народъ сначала утверждалъ, что поджигаютъ поляки, а затѣмъ была пущена молва о томъ, что это дѣло студентовъ. Такое гнусное подозрѣніе быстро распространилось среди городской черни, какъ извѣстно, весьма воспримчивой ко всякимъ нелѣпнымъ слухамъ, вообще, а въ особенности въ столь тревожное время. Недавно происходившіе студенческіе безпорядки, очевидцемъ которыхъ народъ былъ на улицахъ Петербурга, конечно, не мало способствовали дѣлу увѣренности, что именно студенты и есть поджигатели, и это мнѣніе до такой степени утвердилось въ народѣ, что молодымъ людямъ въ студенческой формѣ сдѣлалось не безопаснымъ показываться на улицахъ. Многимъ изъ нихъ приходилось слышать, какъ дворники, извозчики и т. п. люди посылали имъ вслѣдъ такіе оскорбительные возгласы, какъ, на примѣръ, „вонъ поджигатель идетъ! повѣситъ бы ихъ, подлецовъ, поскорѣе!..“ Было даже нѣсколько случаевъ нападенія разъяренной черни на ни въ чемъ неповинныхъ студентовъ, по малѣйшему подозрѣнію на нихъ, брошенному кѣмъ-то въ наэлектризованную толпу и какъ искра воспламенявшему эту горючую массу, и полиціи только съ большими усиліями удавалось спасти эти жертвы отъ растерзанія.

Жутко было учащейся молодежи въ это тяжелое время! Правительство, хотя и не могло быть увѣрено въ справедливости ходившихъ въ народѣ слуховъ, тѣмъ не менѣе, возобновило обыски между студентами, аресты и административныя высылки бывшихъ на счетъ неблагонадежныхъ... Какая была возможность спокойно заниматься экзаменами, когда, съ одной стороны, ежедневно то и дѣло раздавалось въ ухахъ: тамъ подожгли, здѣсь вспыхнулъ пожаръ, въ такомъ-то мѣстѣ будто бы поймали студентовъ со спичками, паклей, фосфоромъ и т. п. поджигательными снарядами и избили до полусмерти; съ другой,—почти каждый студентъ долженъ былъ ежеминутно ожидать появленія въ своей квартирѣ полиціи и жандармовъ и постоянно находился подъ страхомъ ни съ того, ни съ сего быть арестованнымъ и очутиться въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ! И вотъ, большинство студентовъ отложили держаніе экзаменовъ до сентября и разѣхались на лѣто, кто куда могъ.

Послѣ истребленія огнемъ Толгучаго рынка, учащенные пожары, хотя и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, продолжались еще нѣкоторое время и затѣмъ, при строжайшей бдительности полиціи и самихъ обывателей, мало-по-малу, прекратились, и лѣто 1862 года прошло относительно спокойно.

Для изслѣдованія причинъ и обнаруженія виновниковъ этихъ пожаровъ была высочайше учреждена чрезвычайная коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, но всѣ ея самыя энергическія старанія не привели ни къ какимъ результатамъ, и вопросы о томъ, съ какими цѣлями и кто именно совершалъ поджоги, такъ до сихъ поръ и остались неразъясненными. Было ли это дѣломъ поляковъ, въ то время уже дѣятельно подготовлявшихся къ возстанію, вспыхнувшему въ январѣ 1863 года, и, можетъ быть, стремившихся цѣлымъ рядомъ огромныхъ общественныхъ бѣдствій произвести волненіе и смуту въ народѣ, или просто обширной шайки воровъ, задумавшихъ такимъ способомъ какъ можно болѣе поживиться чужимъ добромъ,—неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, совершенно немыслима и малѣйшая тѣнь подозрѣнія студентовъ въ участіи въ этомъ злодѣйскомъ и позорномъ дѣлѣ. На такое участіе не было и не могло быть не только ни одного хотя бы самаго мельчайшаго намека съ фактической стороны, но и съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла подобное предположеніе было совершенною нелѣпостью. Пишущій эти строки теперь, по прошествіи слишкомъ сорока трехъ лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, конечно, вполне можетъ отнести къ тому отдаленному времени уже совершенно спокойно, объективно и безпристрастно, и какъ принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ тогдашнихъ студенческихъ движеніяхъ, не только положительно удостовѣряетъ полнѣй-

шую неприкосновенность своихъ товаришей къ дѣлу о пожарахъ, но и теперь не можетъ безъ негодованія вспомнить о такомъ возмутительномъ подозрѣніи. Уже не говоря о томъ, что никогда, во все время существованія университетовъ въ Россіи, студенты in сокроге не бывали замѣшаны въ такомъ гнусномъ, безчестномъ дѣлѣ, что и единичные случаи какихъ-либо позерныхъ дѣяній между ними чрезвычайно рѣдки, чѣмъ, какими побужденіями могла руководствоваться образованная петербургская молодежь, чтобы рѣшиться на изувѣрскіе поджоги? Вліяніе польскихъ агитаторовъ на петербургское русское студенчество, какъ уже выше замѣчено, было крайне слабо и ограничивалось развѣ лишь платоническими симпатіями; студенты же поляки, изъ наболѣе фанатичныхъ, берегли себя для своей дорогой „ойчизны“, уходили въ формировавшіеся уже тогда ряды повстанцевъ, а остальные—стремились пристроиться куда-нибудь на службу русскому правительству и въ то же время, путемъ подпольной пропаганды, служить дѣлу возстанія. Собственно русскія либеральныя стремленія въ Петербургѣ тогда были слишкомъ далеки отъ какихъ-либо террористическихъ замысловъ, появившихся, какъ извѣстно, гораздо позже, въ людяхъ новѣйшей формации. Вся самая радикальная и самая энергичная программа либераловъ того времени сводилась къ расширенію мирными способами гражданскихъ правъ русскаго народа вообще, путемъ распространенія просвѣщенія, наибольшаго развитія въ народныхъ массахъ гуманныхъ и культурныхъ понятій, возможнаго смягченія и ограниченія административнаго произвола и т. п., а о какихъ-либо насильственныхъ и разрушительныхъ дѣйствіяхъ не было и рѣчи... Словомъ, студенты въ дѣлѣ петербургскихъ пожаровъ были рѣшительно ни при чемъ.

Съ наступленіемъ сентября, когда встревожившія все русское общество волненія улеглись, наши кандидатскіе экзамены были благополучно окончены; мы получили дипломы и съ ними вступили въ новую жизнь.

Вл. Сорокинъ.

